

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ: "ИИСУС ХРИСТОС ИСЦЕЛЯЮЩИЙ БОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ".

Видя, как народ во множестве прибегал со всех сторон просить у Иисуса Христа некоторого облегчения в различных болезнях, тяготивших его, и получал полное исцеление от них, в награду за свою веру, можем ли мы удержаться, чтобы не воскликнуть с царственным Пророком в чувствах самой живой благодарности: «кто во облацех уравнился Господеви, уподобится Господеви в сынех Божиих» (Пс. 88, 7)? Какую благодать, какую любовь к людям, так часто неблагодарным, Сын Божий явил в том, что смирился до принятия на Себя человеческой природы, чтобы даровать людям: во времени помощь и утешения, в вечности жизнь и блаженство! Но увы! До какого безумия не простирается злоба повреждённого человека и слепота нечестия? Бога не хотят признавать даже в самых великих Его благодеяниях... И можно ли было говорить уму и сердцу языком более убедительным и трогательным, нежели язык стольких сверхъестественных дел Божественного Спасителя, которые Он, сожалея о несчастиях всякого рода, рассеивает по стопам Своим, чтобы явить Своё всемогущество и подтвердить высокое достоинство и назначение, которое Он получил от Бога, Отца Своего?

Так, скажем это с одним из самых знаменитых наших новых защитников веры, господином Фрейсину, епископом Гермопольским, словами его превосходного творения Защита Христианства (том II): «чудеса, описанные в наших Евангелиях, вот вечные памятники Божественного посланничества Иисуса Христа; и если бы христиане даже не имел других, его вера была бы достаточно обоснована и разумна. Пусть раздаются в его ушах имена суеверия и легковерия, пусть вспоминают о ложных чудесах, представляемых летописями различных народов, пусть осмеливаются наводить неприличные сравнения между Иисусом Христом и прославившимися обманщиками! Христианин оскорбится всем этим пустым шумом насмешек и лжеумствований; но, если он узнал доказательство религии, его вера не поколеблется. Для него насмешки, хотя бы они были ещё более замысловаты и колки, нежели насмешки неверующих, не имеют силы доказательств; он знает, что между слабостью ума легковерного и гордостью ума упорного есть справедливая и мудрая середина; что есть правила справедливости строгой, но не привязчивой, для того, чтобы отличать истинные истории от неверных рассказов; что ложные чудеса не ослабляют силы истинных, что фальшивая

монета не уничтожает действительной, что софизм не разрушает здравого разума. И когда вспомним, что превосходнейшие гении на земле, в продолжение осьмнадцати веков прославленные и за их учёность и за добродетель, и известные по их глубокому знанию языков и древностей, совершенно искренно верили истинности чудес Евангельских, увидим, что можно верить, не имея слабого ума, и легко утешимся, слыша пустые и лёгкие упрёки в легковерии... То, что служило основанием христианству, не было ни красноречие, ни сила оружия, ни потворство сластолюбию, но верования в чудеса Евангельские, возведённые во вселенной. Вот как они связаны с преобразованием мира самым удивительным, самым всеобщим, самым долговременным, какое только видел род человеческий с самого своего начала... Апостолы не были умозрительные мечтатели, которые свои мнения делают идолами и защищают до потери своей жизни. Они не говорят вам: мы думаем, мы судим, мы заключаем; их собственные мнения могли быть ложны, их суждения неосновательны, их заключения худо выведены и ошибочны; они нам говорят: «слышахом, видехом очима нашими, ...и руки наша осязаша» (1Иоан. 1, 1). Итак, признаем, что писатели Нового Завета были одушевлены любовью к истине; что, при простоте Апостолов, их согласие, их смелость, с какой они готовы были умереть и умерли за исповедание чудесных дел, которых, по их словам, они были очевидными свидетелями, — служат неопровержимыми доказательствами их искренности, какой напрасно ищут в историях языческой древности. Что это за век наш, в который знание и остроумие имеют, кажется, только для того, чтобы делать умозаключения и соображения, направленные против религии, без смысла и логики!

Чего не придумывали неверующие всех веков, стараясь ослабить, если это

можно, тягостную для них силу чудес Божественного Спасителя! Одни говорили, что больные, исцелённые Им, не были в самом деле больны, но притворялись, и, называя себя больными, были обманщики, подсланные самим Иисусом Христом! Другие говорили, что если сии больные и в самом деле были больны, то исцеление их было только кажущиеся. Многие предполагали, что исцеления их были естественным делом искусства, но невежды иудеи принимали их за чудеса. А иудеи, со своей стороны, приписывали их диаволу; потом учителя их писали, что Иисус

совершал их через произнесение неизреченного имени Бога. Сии разноречия уже дают нам видеть замешательство неверующих и доказывают, что никакая увертка их не может удовлетворить умно человека. Если бы можно было обличать во лжи повествования евангелистов, то не было бы нужды прибегать к стольким ухищрениям, искусные врачи разных времён доказали, что большая часть сих болезней, в том виде, как они описаны евангелистами, не могли быть излечены естественными средствами. Отдавая справедливость достоинству труда их, мы думаем, что это не очень необходимо, потому что человек добросовестный легко обойдётся и без таких разысканий, а человек недобросовестный не будет ими тронут и не перестанет упорствовать в своём ожесточении и противлении истине. Это также бесполезно, как и останавливаться на тех отвратительных сравнениях, которые осмеливались делать некоторые страстные любители магнетизма, — сравнения чудес нашего Спасителя с их удивительными обманами.

Но не только прикосновение к драгоценной одежде Спасителя, не только манование Его Божественных рук, не только слово, исходящее из Его священных уст, суть способы, которыми Господь наш исцеляет наши немощи. Он, даруя нам всецелого себя в святом приобщении, даёт жизнь душе, а потом здоровье телу, если оно нужно для спасения. И, однако, сколько слабых, сколько немощных и, что особенно жалко, сколько несчастных видим мы, которые и не думают искать единственного врачевства, но врачевства несомненного, предлагаемого в живой вере и искреннем благочестии для их страданий, для их горестей и, может быть, для их отчаяния.

Св. Филарет Московский

Мы предпочитаем о ней вообще ничего не говорить, потому что смерть слишком страшна. Когда умирает кто-то близкий, мы называем это описательно: «он ушел от нас...» И все-таки смерть – это единственное событие в жизни, которое происходит с каждым человеком без исключения. Что же говорит о ней Библия?

«ДЕНЬ СМЕРТИ ЛУЧШЕ ДНЯ РОЖДЕНИЯ»

Есть в книге Екклезиаста удивительные слова: «Имя лучше хорошего масла, и день смерти лучше дня его рождения» (7:1). Екклезиаста, конечно, трудно назвать оптимистом, но это, кажется, слишком мрачно даже для него. В каком же это смысле следует понимать? По-видимому, речь здесь идет вот о чем. Новорожденный ребенок, словно драгоценное масло, существует пока только телесно и еще не имеет имени. Его потенциал, как и благоволение, может быть потрачен – или растрочен? – на очень разные цели, и может очень быстро улечься, как и аромат драгоценного масла. Но если в течение жизни человек приобретет себе доброе имя, в день смерти оно остается за ним навсегда.

Такое понимание присутствует и в традиционных толкованиях. Вот что пишут по этому поводу авторы талмудических трактатов «Шемот Рабба» и «Когелет Раба»: «Когда рождается человек, все радуются; когда он умирает, все плачут... Это подобно тому, как один корабль покидал гавань, а другой входил в нее. Уходящему кораблю радовались, а входящему никто не радовался. Там был один умный человек, и он сказал людям: “Я вижу, вы все перепутали. Нет причин радоваться уходящему кораблю, ибо никто и не знает, какова будет его участь, какие моря и бури встретит он на своем пути; но тому, кто возвращается в гавань, всем следует радоваться, так как он прибыл благополучно”.

Подобным образом, когда человек умирает, всем следовало бы радоваться и благодарить, что он покинул этот мир с добрым именем».

Раввинам вторит христианский богослов и переводчик, блаженный Иероним Стридонский: «“И день смерти лучше дня рождения” – это означает либо то, что лучше уйти из этого мира и избежать его страданий и ненадежной жизни, чем, войдя в этот мир, терпеливо сносить все эти тяготы, ведь когда мы умираем, наши дела известны, а когда рождаемся – неизвестны; либо же то, что рождение связывает свободу души к телу, а смерть освобождает ее».

Современный читатель, который верит в бессмертие души, после некоторых размышлений, наверное, согласится с таким выводом: ведь смерть он понимает как рождение в вечную жизнь, где праведник (или прощенный грешник) сможет, наконец, обрести всё то, чего ему не хватало в жизни временной. Но по-настоящему удивительными нам покажутся эти слова, если мы задумаемся: они были сказаны в обществе, где мало кто думал о загробном блаженстве.

В Ветхом Завете мы найдем только две ссылки, причем обе спорные и сомнительные, в которых можно при желании

ЧТО ГОВОРИТ БИБЛИЯ О СМЕРТИ?

разглядеть указание на что-то хорошее за гробом. Одна – Притч 14:32. Синодальный перевод гласит: «За зло свое нечестивый будет отвергнут, а праведный и при смерти своей имеет надежду». Казалось бы, всё вполне ясно, но... современные ученые полагают, что это все-таки исправление писцов последующих времен, а изначально в тексте вместо слов «при смерти» стояло «в своей непорочности (имеет надежду)», то есть еще при жизни обретает благо. В еврейском тексте, вероятно две буквы поменялись местами и смысл переменялся, такое порой происходит при переписывании рукописей – да и греческий текст, Септуагинта, здесь как раз говорит о праведности, а не о смерти.

Другое место – в книге Иова (19:25–26). Синодальный перевод и здесь вполне оптимистичен: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога». Но на самом деле оригинал здесь полно неясностей; достаточно сказать, что там стоит не «во плоти», а буквально «из плоти» или «вне плоти», и, по всей видимости, это значит, что плоти у Иова больше уже не будет. В моем переводе это место звучит так: «Я же знаю, что жив мой Заступник, Он – Последний – встанет над прахом! Даже когда спадет с меня кожа, лишаясь плоти, я увижу Бога».

Но даже если оба этих места действительно говорят о благой участи за гробом, никаких других им подобным мы просто не найдем. Но мы найдем в тех же Притчах, у того же Иова множество упоминаний смерти как страшного, окончательного, положенного всем нам предела, за которым не будет уже ни света, ни радости, ни спасения. Тот же Иов говорит: «Уходят воды из озера, и река иссыхает и высыхает: так человек ляжет и не встанет; до скончания неба он не пробудится и не воспрянет от сна своего... Теснишь его до конца, и он уходит; изменяешь ему лице и отсылаешь его. В чести ли дети его – он не знает, унижены ли – он не замечает; но плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает» (14:11–12, 20–22).

И все-таки в этой же книге мы встречаем удивительное, дерзновенное, пророческое слово о Шеоле – мире мертвых. На мой взгляд, эти строки стоят ближе к Голгофе и воскресению, чем всё остальное в Ветхом Завете. Я позволю себе процитировать их в собственном переводе:

Я тоскую по Шеолу, как по дому, и во тьме себе ложе готовлю,
я гроб зову своим отцом,
а червь – матерью и сестрой. Где же она, моя надежда?

Надежду мою – кто видел? Сойдет ли она к вратам Шеола?

Ляжет ли вместе со мной в землю? (17:13–16)

Да, сойдет, да, ляжет – готовы крикнуть мы Иову с высоты Нового Завета, но он-то об этом еще ничего не знает. Он готовится сойти туда безвозвратно, не ожидая там для себя ничего хорошего. Он умер «старцем, насытившись жизнью», он видел своих правнуков, и примерно то же самое говорится о других праведниках, но это только подчеркивает основ-

ную мысль Ветхого Завета: всё хорошее бывает здесь и сейчас, не жди никакого блага там. С одной стороны, до Голгофы, до искупления грехов всего человечества и в самом деле невозможно было говорить о рае. А с другой – может быть, так Господь приучал израильтян к верности Богу не ради загробных наград, а ради самой жизни с Богом уже здесь и сейчас?

Итак, для человека Ветхого Завета всё ценное и важное в жизни происходило здесь, на земле; но человек времен Нового Завета уже знал, что за гробом ему предстоит дать отчет в земной жизни и что дальнейшая его судьба будет зависеть от этого суда. Люди верили, что воскреснут «в последний день», когда завершится земная история и начнется что-то новое, непонятное, но прекрасное, о чем говорили пророки.

«БОГ НЕ СОТВОРИЛ СМЕРТИ»

Но что говорит Библия о самом этом переходе, о смерти? Она появляется вместе с грехопадением; давая Адаму заповедь не есть от древа познания добра и зла, Господь предупреждает его: «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт2:17). Прочитав немного дальше, мы увидим, что Адам и Ева прожили не просто долго, а невероятно долго после того дня, когда нарушили заповедь. Видимо, предупреждение означало, что в тот день они станут подвластны смерти. Адам, рассказывает Бытие, прожил 930 лет, его сын Сиф – 912, а внук Енос – 905 лет. Сроки, конечно, нелепые в нашем мире, и об их символическом значении уже было сказано в 9-й главе: по мере удаления от источника жизни, Бога, постепенно сокращается и срок земного существования.

Подробнее об этом рассуждает неканоническая книга Премудрости Соломона (1:13–16): «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле.

Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием». А в Новом Завете об этом рассуждает апостол Павел (Рим5:12): «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили».

Конечно, это может показаться несправедливым: лично я не грешил в Эдемском саду, почему я должен нести на себе наказание за тот грех? Ответить на это можно по-разному, хотя смысл все равно будет примерно один и тот же. Можно сказать, что всё человечество унаследовало от Адама и Евы первородный грех (согласно православному веручению, свободен от него был только Христос; католики добавляют к Нему и Богородицу Марию). Это не просто ответственность за что-то, произошедшее очень давно, но склонность ко греху, которая так или иначе проявляется в любом человеке. Дети матери-наркоманки рождаются уже с наркотической

зависимостью, хотя ни разу не принимали наркотик, не говоря уже о весьма вероятных генетических сбоях; грех – самый страшный наркотик, привыкание к которому наступает при первом же употреблении.

А можно понять то же самое несколько иначе: в Адаме и Еве Библия поэтически изобразила первобытное человечество на каких-то очень ранних стадиях его развития, когда люди решили жить своим умом и отвернулись от Единого Бога. Мы все причастны этому человечеству, сказавшему Богу твердо «нет», потому что и мы в своей жизни периодически делаем то же самое.

«СИЛЬНА КАК СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ»

Казалось бы, если смерть – следствие греха и печать греховности на всем человечестве, то она есть безусловное зло, которое можно только проклинать. Но самая жизнеутрачивающая книга Библии, Песнь Песней, как будто даже воспеваешь ее (8:6): «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность». Поэты последующих веков будут возражать: нет, любовь сильнее смерти, она ее побеждает, – но ведь библейский автор писал не о том, кто одерживает верх в поединке. Он просто сравнивал любовь с самым сильным, что только есть в этом мире после Бога, и не нашел ничего сильнее смерти.

Смерти, конечно, никто себе не желал и при возможности ее старался отворотить. Мы почти не находим в библейских книгах самоубийств. Для греко-римской античности, к примеру, способность человека покончить со своим бренным существованием была признаком мужества и духовной высоты. Совсем не то в Библии, там это поступок крайнего отчаяния: убивает себя раненый Саул, чтобы не попасть в плен к филистимлянам, которые надругаются над ним (1Цар 31); убивает себя мудрец Ахитофел, чей совет был впервые отвергнут правителем (2Цар 17). Об Иуде Искарите и говорить нечего (Мф 27:3–5).

Но к своей и чужой смерти люди библейских времен относились, кажется, гораздо спокойнее, чем мы. Пророк Валаам, глядя на израильский народ, благословляет его и неожиданно говорит: «Да умрет душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как их!» (Числа 23:10). Как же это можно желать себе смерти? Нет, он просто знает, что смерти не избежать, и молится о том, какой именно он желает себе смерти: как у праведников. То самое спокойное завершение благого пути, о котором, по-видимому, говорил и Екклесиаст. Кстати, Валааму не было даровано то, чего он просил: этот «пророк по найму», принявший в свое время заказ проклясть израильтян, был ими убит вместе с мадиамскими царями (Ис Нав 13:22). О смерти – и своей, и чужой – в библейские времена говорили достаточно просто, как о чем-то естественном и обыденном, от нее не прятались, как принято теперь, когда и надгробные речи звучат порой так, словно произошла какая-то немыслимая случайность, которой никто не мог ожидать. Но вот как начинается последняя речь царя Давида, обращенная к его сыну и наследнику Соломону: «Приблизилось время умереть Давиду, и завещал он сыну

своему Соломону, говоря: вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен и храни завет Господа Бога твоего» (3Цар 2:1–3). И Соломон не возражает, не говорит отцу, что тому еще жить да жить; он понимает, что в «путь всей земли» лучше уходит подготовленным, с ясным сознанием своей судьбы.

«СМЕРТЬ, ГДЕ ТВОЕ ЖАЛО?»

Но это, конечно, не значит, что люди смирились со смертью. Да это, наверное, и невозможно. И в пророческих книгах речь то и дело заходит о чудесном времени, когда... «не будет более малолетнего и старца, который не достигал бы полноты дней своих; ибо столетний будет умирать юношеско, но столетний грешник будет проклинаем. И будут строить дома и жить в них, и насаждать виноградники и есть плоды их. Не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел» (Ис 65:20–22).

А может быть, случится нечто более удивительное – и смерти не станет совсем? «уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах. Поглослена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц» (Ис 25:7–8). Впрочем, с пророчествами всё непросто – и мы рассуждали об этом в 10-й главе, приводя пример из пророка Осии (13:14), слова которого цитирует в совершенно ином смысле апостол Павел (1Кор 15:54–55), а за ним и Иоанн Златоуст: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» Не может быть, чтобы Господь в одной и той же короткой фразе одновременно яростно угрожал израильтянам и давал им самые смелые надежды! Не может... только если мы сами следуем строгим законам формальной логики, где угроза и обещание – два разных и совершенно несовместимых понятия. Но разными бывают люди, времена, обстоятельства, и что звучало угрозой для одних, легко может стать обещанием для других.

Пророки не только говорили – они еще и действовали. Илия во время голода приходит к бедной вдове, ждущей неминуемой смерти вместе со своим сыном, и просит – точнее, приказывает – отдать ему последнюю порцию хлеба. Вдова повинует, и пища чудесным образом умножается. Но ребенок все равно погибает спустя некоторое время, уже не от голода, а от внезапной болезни. Вдова бросает в лицо пророку горький упрек: «Что тебе до нас, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего». Безо всякого высокого богословия эта женщина живо чувствовала связь между смертью и грехом, правда, понимала она ее слишком прямолинейно: за свои грехи она расплатилась смертью сына. Пока рядом с ней не было пророка, всё было каким-то обыденным, серым, но

его приход высветил и белое, и черное в ее жизни – и теперь за черное ее ждет страшная расплата. Такое уравнение построить очень просто, и множество людей с той поры так и объясняют болезни и смерти... Но Илия не соглашается – он обращает упрек уже к Господу: «Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?» (3Цар 17)

Позднее подобное чудо сотворит Елисей (4Цар 4), и конечно, Христос (Лука 7:11–17). «Бог посетил народ Свой» – говорят евреи, когда видят крещение сына вдовы в ничем не примечательном городке. Вряд ли они так быстро признали Христа Богом, почему же они так говорили? И почему вообще Христос воскресил этого юношу?

Понятно, что вдова, потерявшая сына, оставалась безо всяких средств к существованию, но ведь не один он умер тогда в Палестине, и ничего примечательного в этом городке и в этой семье, кажется, не было.

Где есть Бог, там нет смерти. Это как огонь и лёд: в одном и том же месте может быть только что-то одно из них, и если Христос встречается со смертью, смерть отступает. То же самое мы видим в сцене воскрешения Лазаря (Ин 11). Удивительная уверенность Марфы и Марии, который повторяют друг за другом: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» – как можно умирать в присутствии Господа, в самом деле? Но в этом чуде, предвещающем смерть и воскресение самого Христа, мы видим и другое. Мы видим его смирение перед смертью. Мы видим его таким слабым и смертным человеком, как, пожалуй, нигде в Евангелии; даже на Голгофе в Нем больше твердости и уверенности. А здесь, у могилы друга, Он по-человечески растерян: не знает, куда положили Лазаря, Он скорбит до слёз и даже возмущается, да и как не возмутиться всеисилием смерти?

Эти проявления человеческой слабости во Христе заставляли немало потрудиться экзегетов. Но общий смысл, видимо, прост: так раскрывается полнота Его человеческой природы, немощной и ограниченной, как у нас, и непричастной только греху. Природы, подвластной смерти. Но именно такой человек и говорит Лазарю: «Выйди!» – и тот выходит из могилы, из Шеола, из царства теней. И после этого становится предельно ясно: Христа уже не оставят в живых; слишком сильному противнику бросил Он вызов.

А дальше... Мы все знаем, что было дальше. Мы поем об этом каждую Пасху: «смертию смерть поправ». Как и в случае с Адамом и Евой грехопадение не означало немедленного умирания, так и здесь воскресение Христа не означало немедленного упразднения смерти. Но власть ее стала временной, относительной, конечной. «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим» – так поет об этом Церковь в Великую Субботу.

Победить смерть означало для Христа пройти через нее, пережить ее и превозмочь, чтобы даже на этом пути, в «долине смертной тени», мы не чувствовали себя брошенными и одинокими. Он уже побывал там, и там мы встретимся с Ним, чтобы Он вывел нас в вечность.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 3 по 9 декабря 2018 г.

3 декабря Понедельник	Прп. Григория Декаполита	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
4 декабря Вторник	ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>
5 декабря Среда	Апп. от 70-ти Филимона, Архиппа и мц. равноап. Апфии	
6 декабря Четверг	БЛГВ. ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
7 декабря Пятница	ВМЦ. ЕКАТЕРИНЫ	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
8 декабря Суббота	ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА ВВЕДЕНИЯ (ВХОДА) ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
9 декабря Воскресенье	НЕДЕЛЯ 28-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ ПРП. АЛИПИЯ СТОЛПНИКА	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

(СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

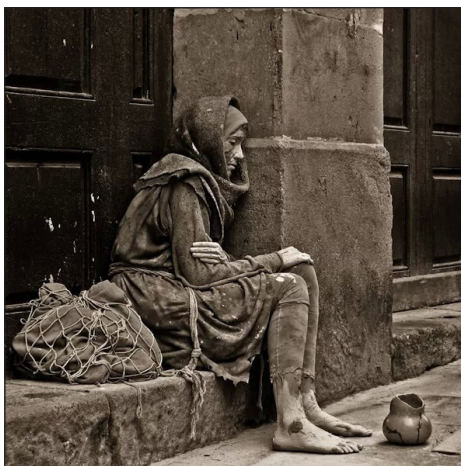
МИЛОСТЫНЯ – СЕЯНИЕ

Об обязанности помогать бедным нечего и говорить. Ее все сознают и каждый в самом себе носит ходатая за бедных в сродном человеку сострадании к бедствующим. И бедные знают об этом долге, об этой потребности сердца всех и каждого, потому-то и обращаются смело ко всем в полной уверенности, что имеющие достаток не откажутся помочь им от избытков своих.

Но чего же часто не достает? Не достает добрых расположений, какими должно быть окружено и ограждено милостынеподавание. Подают, но не столько, сколько бы должно; подают, но иногда не совсем охотно и с стиснутым сердцем, не щедро, не радушно. От чего ж это сокращается рука и стискивается сердце? От неправых помышлений, которые сбивают с правого пути сердце наше в минуту милостынеподавания. Сердце устремляется к пособию ближнему, но тут же предначертывает меру и способ благотворения. В то же время приходит и враг, всевает недобрые мысли и расстраивает все дело: «У себя много нужд, – внушает враг, – да и пойдешь ли впрок твоя милостыня?» Сердце-то и сожмется, и дающая рука сократится.

Чтобы направить наше сердце на должное и дать нам силу предотвращать нападение недобрых мыслей при милостынеподавании, апостол заповедует нам смотреть на милостыню, как на сеяние: «сеяй скудостию, – говорит он, – скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет» (2Кор.9:6).

Сеющий, тратя семена на сеяние, нисколько не думает, что истощает тем себя, подрывает свой достаток и лишает себя

возможности удовлетворять своим нуждам. Напротив, сея, он чаёт обогатиться, расширить свои способы и отвратить нужды. Так и ты: сей милостыню, не давая входа мысли, что, выпуская монету из рук или отдавая вещь, ты лишаешь чего-нибудь себя. Ты не тратишь, а приобретаешь, не умаляешь, а умножаешь, не даешь, а получаешь.

Сеющему, когда он бросает семена в землю, и на мысль не приходит, что он бросает их даром, ни к чему, не впрок; напротив, он уверен, что земля не только сохранит вверенные ей семена, но и принесет плод от них сам-тридцать и даже сам-сот. Так и ты: щедро сей милостыню, веруя, что руки бедных суть самые верные хранители твоих избытков, и самые тучные и усырненные почвы, на которых и малое сеяние благотворения твоего принесет обильный плод во время свое.

Сеющий, сколько бы ни сеял, не скорбит и не тужит; напротив, чем более засеет, тем веселее и благонадежнее бывает. Так и ты: чем обильнее твое милостынеподавание, чем шире круг тво-

его благотворения, тем более радуйся и веселись. Придет время, и Мздовоздатель изведет тебя на удобренное, засеянное и оплодотворенное благотворительностью поле жизни твоей, и возвеселит сердце твое, показав стократно умноженное жито правды твоей.

ВЕРА И УЧРЕЖДЕНИЯ ВЕРЫ

Вера не есть только образ познания Бога и наших к Нему отношений: она совмещает в себе и все спасительные учреждения, данные Богом. Спасительные учреждения составляют веру действующую. Наши умники и не прочь бы, может быть, от учения христианского, но их более всего отталкивают христианские учреждения. А так как эти учреждения суть не что иное, как вера в действии и движении, то главный их грех тот, что им не хочется действовать в духе веры. Удивляться надобно, каким образом эти люди так настойчиво толкуют о делах и трудах, а в области святой веры более всего чуждаются деятельности! Что-нибудь тут не так. Ведь они знают законы, как правильно вести течение мыслей. Если такая кривость допускается здесь, то наверное надо полагать, что они тут не действующие, а деемые, суть орудия чуждой мысли, и притом такой, которая сама чужда истины.

